

6 августа 2017 года в городе Борисоглебске Воронежской области в рамках VI Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» прошел круглый стол «Человек в поисках смысла в современной российской литературе». Организатором круглого стола выступила МБУК БГО «Борисоглебская централизованная библиотечная система» и Совет по критике Союза писателей России. Модератор — Вячеслав Лютый.

* * *

Вячеслав ЛЮТЫЙ, *председатель Совета по критике Союза писателей России, заместитель главного редактора журнала «Подъём»:*

— У нас есть три разных доклада, их объединяет тема сегодняшнего круглого стола. Если после каждого из докладов возникнут какие-то вопросы, мы обсудим их тут же. Что-то у нас окажется запланированным, а что-то будет отдано на волю стихии.

Мое сообщение носит более общий характер и поэтому будет первым.

Пожалуй, главное отличие нынешней эпохи от советского времени вовсе не жестокость системы прошлой в сравнении с практикой сегодняшнего российского государства. И не уравнилельное устройство экономики вчерашней на фоне феерической разницы в доходах простого человека и «жирного кота» теперь. В настоящее время мы очутились в некоей мировоззренческой котловине, в которую соскользнули с поверхности бытия. Раньше, пусть и ошибочные цели, но владели нашими умами и сердцами — сейчас, кроме достатка и в пределе богатства, в России не декларируются никакие иные цели. Разве что патриотизм озвучен в качестве национальной идеи, хотя, возможно, этот вектор развития необходим российскому истеблишменту для сохранения сложившейся властной вертикали. Конституция РФ отрицает любую государственную идеологическую доктрину, и в результате всякий человек, живущий на территории России, самостоятельно определяется в собственном отношении к родной стране, своему роду, содержанию жизни, в которой он занимает определенное место.

В этом контексте стоит разделить смысловой вектор на две составляющие:

- смысл происходящего вокруг тебя;
- смысл происходящего с тобой.

Разумеется, такие смысловые линии взаимосвязаны. Однако литературное произведение, изображая названные позиции на едином холсте, в едином событийном и духовном пространстве, все-таки отделяет человека от гущи жизни, в которую тот погружен. И потому в нашем круге чтения появляются произведения психологические, в чем-то экзистенциальные, главный герой которых мучительно ищет внутреннюю мотивацию своего существования здесь и сейчас. А также — сочинения в какой-то степени историософские, где реализуется попытка автора нащупать скрытый и далеко идущий смысл свершающихся событий. И в последние годы появились рассказы, повести и романы, в центре которых — самодентификация русского человека как фигуры родовой и православной одновременно.

В больших повествованиях у выдающихся художников отдельные планы часто перетекают один в другой или присутствуют параллельно. Наиболее близкий пример — «Тихий Дон» М.А. Шолохова. Это роман поражения, художественный материал которого растворяет в себе личное и общее, эмоции, поведение персонажей — и смерч, кажется, фатальных исторических катаклизмов. Перед нами эпос новых времен, где героика не так однозначна, как в древности, а душевная мука человека, утратившего постепенно почти все, соединена с тектоническими потрясениями мироустройства.

В наши дни столь гениальный синтез большого и малого не встречается в литературном пространстве. Но постепенное приближение к подобному охвату современности, очевидно, происходит, и все составляющие огромного исторического целого шаг за шагом вновь осваиваются русской литературой, причем художниками разных поколений.

Как наиболее выразительные, каждый в своем роде, назовем три произведения: большой роман Петра Краснова «Заполье», повесть Андрея Тимофеева «Навстречу» и повесть Михаила Тарковского «Полет совы».

Главный герой «Заполья» — журналист Иван Базанов, взрослый, сложившийся человек, пытается найти положительное содержание в окружающих его явлениях 1990-х годов. Он живет в большом провинциальном городе, его профессиональный авторитет чрезвычайно весом, однако все движения души и ума Базанова словно попадают в некую «обманку» реальности. Пытаясь создать принципиальную газету, он сталкивается с двуличием учредителей, среди которых до поры неведомую, роковую роль играет притемненный человек по фамилии Мизгирь. Тот, кажется, участвовал в обороне Белого дома осенью 93-го, считая интеллектуально необходимым быть в месте свершения важнейшего современного события. Но по мере развития сюжета, читатель и главный герой начинают понимать, что софист Мизгирь — просто терпеливый бес. Пришедший в русский мир разрушить доброе и светлое, он стремится насадить даже не злое и темное, но сумрачное, в котором не различимы никакие нравственные и моральные ориентиры. Базанов чувствует, что жизнь проваливается в пустоту, что всякое разумное начинание неуловимо превращается в порок и тлен. Семья распадается, национально ориентированный покровитель внезапно умирает, детали его кончины говорят о спланированном убийстве. Неожиданно выясняется, что у Ивана Базанова быстро прогрессирует онкология. И в этих обстоятельствах, когда физическая и личностная активность героя угасают, он предается своим последним размышлениям. Они довольно пространны, однако в этом потоке рассуждений о земле, месте человека в жизни, о городе-мегаполисе, родной крови и чувстве рода, о возможном будущем дне, который наступит уже без Базанова, есть множество болевых точек. И уже они говорят нам о русском человеке, которого судьба поместила в государство-клет-

ку, отняв притом любые указатели и духовные обозначения, позволяющие вос-
становить идущую из древности родовую нить и понять:

— кто ты?

— к чему ты призван?

— что будет завтра с твоими детьми?

— зачем тебе дана эта жизнь, с ее бедами и печалью?

«Заполье» — одна из самых серьезных книг о переходе русского человека от сна к бодрствованию, от социального обморока — к пытливому поиску главного содержания и в прошлом, и в настоящем, и в будущем.

Написанный как будто сбивчивым авторским слогом, роман являет собой еще одно воплощение толстовского стремления сблизить литературное произведение с реальностью и одновременно отдалить живое, порой невыразимое — от стилистических изысков собственно искусства. Именно потому письменная речь здесь порой близка к шероховатой устной. И в том — примета достоверного послания уставшего сердца душе молодой, которой это произведение понадобится на переломе от сегодняшнего дня к завтрашнему.

В повести Андрея Тимофеева «Навстречу» мы сталкиваемся именно с такой душой, которая еще мало знает о самой себе, о любви, что совмещает в себе красоту, влечение, сострадание и ответственность, об инерции обыденной жизни, которую важно преодолеть, наполнив день целью и чувством победы и поражения, торжества и вины. Перед нами — молодой человек, самосознание которого пока еще обитает в небольшом внутреннем космосе, но уже ощущает сквозящие холодом и мерцанием бездны за границами освоенного пространства. Сюжет повести — путь героя к осознанию собственной причастности к Богу. На фоне прозы, посвященной сближению человека и Создателя, в повествовании Тимофеева совсем нет элемента назидательности и катехизаторского подтекста. Просто юное существо, остро переживающее свое душевное одиночество, вдруг с удивлением начинает понимать, что есть нечто большее, чем видимость предметов и явлений, и столь глубокое, что всякие житейские сентенции оказываются только плоскими словами, не проникающими в сердце и не влияющими на частоту его ударов. Приход метафизики в самочувствие юноши, для которого слово «Бог» прежде имело вполне умозрительный характер — вот материя, с которой соприкасается автор. И тут важно не погрешить против искренности, ведь рассказ ведется от первого лица. Все социальное у Тимофеева принципиально отодвинуто от главной линии сюжета. Сверхзадачей становится преобразование обычного человека, перемещение его внутреннего мира в православные координаты. Еще нет церковного словаря, нет понимания того, что происходит в храме, но возникает и ширится ощущение собственной причастности к чему-то невыразимо огромному. Экзистенциальный кокон разрывается, и затаенный человеческий голос находит своего главного Слушателя. Так преодолевается одиночество, и многие узкие тропы становятся большой русской дорогой.

Повесть Михаила Тарковского «Полет совы» отличается от произведений Петра Краснова и Андрея Тимофеева, в первую очередь, своей внутренней энергетикой. Если в «Заполье» социальный водоворот поглощает Базанова, а в повести «Навстречу» происходит еще только кристаллизация личности героя, то в «Полете совы» мы встречаемся с тридцатилетним учителем русского языка и литературы Сергеем Скурихиным, отчетливо осознающим многие пагубы, ныне идущие от лица государства: «Я никогда не предаю его перед иностранцами, но в душе не верю в него, как в их же детище». Приехав в сибирский поселок из города, Скурихин сталкивается с суровым в своей житейской простоте укладом. Этот быт изначально склонен к самоорганизации и основан на вполне рациональных свойствах характера местных жителей. Но всегда существует что-то необъяснимое, заставляющее человека подняться над привычным и неожиданно раскрыться в щедрости,

Участники круглого стола

доброте, искренности. Свойства русского характера уже пытались описать в минувшие столетия. Но всякий раз, когда возникает роковая минута, русский человек являет свои новые черты, позволяющие ему ценой жестоких усилий спасти свой род и уберечь родную землю от завоевателей.

Перед читателем сходятся в разговоре современные подростки и учитель, местные жители, занятые обыденным трудом, и школьные педагоги, замороченные реформой отечественного образования. Ясные вещи, которые прежде ни у кого не вызывали вопросов, теперь перевернуты или расщеплены на смутные составляющие. Таковы проявления информационной войны, идущей на территории России. Уже само обращение молодого учителя к русской классической литературе и традиции, настойчивый диалог Скурихина с новым поколением характеризуют главного героя повести Тарковского как духовного воина. В нем сошлись православные устои и родовые качества русского человека, начитанность городского интеллигента и «рукастость» сибирского поселкового жителя. Но более всего драгоценна в нем жесткая воля, которая объединяет все личностные качества в некий скрытый от внешнего зрения монолит. Сергей не только ищет смысл краткого человеческого пребывания на земле, но еще и утверждает найденное в сознании всех, с кем ему приходится говорить по душам.

Три упомянутых произведения современных писателей, конечно, перекликаются и с другими книгами, которые появились в последние годы. Но есть некоторые черты, позволяющие в нашем контексте назвать именно эти имена и повествования. Во-первых, триада авторских поколений, во-вторых, географическая палитра (провинциальный городок — столица — Урал — сибирский поселок), в-третьих, уровни и направления смыслового поиска, и наконец, осмысление найденного как меча и орала — оружия в борьбе против захватчика, и плуга, которым разрыхляют и обустроивают отчужденную землю. Подобная художественная панорама, пусть и выборочно, характеризует движение русской души сквозь три десятилетия испытаний и дает нам надежду на постепенное восстановление государства, для которого слова «человек» и «смысл» являются понятиями неразделимыми.

Теперь я передаю слово для доклада Андрею Николаевичу Тимофееву.

Андрей ТИМОФЕЕВ, прозаик, литературный критик, председатель Совета по молодой литературе и член Совета по критике Союза писателей России:

— В названии темы нашего круглого стола «Человек в поисках смысла в современной литературе» слово «человек», по-видимому, должно пониматься как «герой художественного произведения»; таким образом, нам предлагается рассуждать о произведениях, герои которых находились бы в поисках и обретении определенных смыслов в современном, бедном бытийными смыслами, мире. Однако такое понимание, на мой взгляд, сужает наш разговор. И потому мне хотелось бы понимать слово «человек» как слово «автор» и порассуждать о тех писателях, которые не просто создают произведения высокого художественного уровня, а еще и ищут в них смысл жизни современного человека.

Но для начала необходимо оговориться, что о поиске и обретении смысла в художественной литературе возможно говорить лишь в том случае, если этот смысл обретается в произведении органически, то есть представляет собой не просто абстрактную мысль, до которой додумался герой произведения или его автор, но квинтэссенцию внутреннего содержания текста, то есть такую мысль, которая была бы глубоко связана с сюжетным, нравственным, художественным напряжением данного произведения.

И в первой части своего выступления я хотел бы проиллюстрировать разницу между смыслом неорганическим (рациональным) и органическим, а для этого сравнить «мыслительные пласты» романов Антона Понизовского «Обращение в слух» и Геннадия Рязанцева-Седогина «Становящийся смысл».

Роман Антона Понизовского «Обращение в слух», напечатанный в журнале «Новый мир» в 2014 году, в свое время очень активно обсуждался в литературном сообществе и многими был признан удачей — о нем говорили как об интеллектуальном романе о России. В центре внимания автора — необычный метод исследования национального русского характера. Состоит он в том, чтобы выслушать множество рассказов носителей этого характера и проанализировать их, чем и занимаются несколько героев романа в уютном гостиничном номере в одном из городков Швейцарии. Роман построен в виде чередования отрывков, в которых различные люди рассказывают о себе, и обсуждений этих отрывков самими героями.

В процессе обсуждения высказываются подчас интересные мысли, особенно главным героем романа — Федором. Например, развернутое рассуждение о рае, в котором Адам дает имена «душам живым». Федор замечает, что Адам называет мышь мышью, а слона слонем произвольно, но, чувствуя *«какую-то главную суть»*, выбирает единственное точное имя. Он не называет мышь «грызуном» или «вредителем» (как сделал бы на его месте человек, имеющий какие-то запасы); не называет слона «тушей» или «носи-носи» (как сделал бы человек, желающий пользоваться слонем в своих целях) — Адам относится к животным *«не как к субъектам, а как к душам живым»*. В другом месте романа Федор говорит о реальности рая: *«Рай — это наша подлинная реальность! она настолько близка... ближе кожи... Она в самом центре сердца... — и в центре памяти! В центре памяти — потому что каждый из нас был младенцем. А каждый младенец, в сущности — тот же Адам...»* Замечательные мысли встречаются в романе и по поводу некоторых притч из Евангелия. *«Мы не слушаем Бога, который обращается к нам, — говорит Федор другой героине романа, Леле. — Он только начинает: «Человек некий», — а мы: «Знаем, знаем. Все знаем про вашего человека. Быдло ваш человек...»*

Однако все эти мысли, сами по себе достаточно важные, входят в текст совершенно произвольно, их содержание оторвано от организующего начала текста. Идеи не впитываются в языковую ткань и нравственно-психологическую плоть

текста, а остаются сконструированными фигурками на его поверхности. Единственное серьезное действие у Понизовского — отмена Лелей своего отъезда из гостиницы по просьбе Федора и их последующее сближение, и этого, разумеется, катастрофически мало для органического вплетения «мыслительного пласта» романа в его сюжетно-событийную плотность. Таким стало бы «Преступление и наказание», если бы Раскольников на протяжении всего романа ходил бы по кабакам, печатал свою статью о праве сильного, спорил с Соней и Свидригайловым, но не убивал бы вовсе.

В отличие от «Обращения в слух» роман Геннадия Рязанцева-Седогина «Становящийся смысл», вышедший книгой в том же 2014 году и, к сожалению, почти не замеченный современной критикой, чрезвычайно насыщен сюжетно. Его главный герой — священник, перед глазами которого проходит множество людей — девушка, забеременевшая от больного СПИДом парня и желающая обвенчаться с ним; влюбленный юноша на грани самоубийства; насильник и убийца, желающий исповедоваться в тюрьме. И через все эти встречи проходит один лейтмотив: помочь человеку можно, только взяв на себя его боль в реальной жизни. Особенно показателен в этом смысле эпизод встречи священника с женщиной, у которой неизлечимо болен ребенок. Женщина плачет и постоянно спрашивает главного героя, за что Бог наказал ее сына, почему это случилось не с ней, не с ее мужем или кем-то другим. Тот, конечно же, знает «правильные» ответы на все эти вопросы и умеет рассуждать на тему промысла Божия, вины родителей, жизни будущего века. Но он понимает, что если начнет говорить об этом раздавленной горем женщине, все эти высокие слова станут ложью. А еще он понимает, что у него только один выход в такой ситуации — идти с этим человеком в его ад, *«со всей любовью, со всем состраданием, на которое ты только способен, идти в жизнь, как друг, как отец, как священник. Надо этого человека выделить, как единственного сейчас в твоей жизни, как самого родного, самого дорогого и близкого»*.

Но все это — лишь сюжетная часть романа; другую же часть составляет собственно «мыслительный пласт» — рассуждения героя о судьбе России, о церкви, о Достоевском, и, кстати, эти размышления по тематике и по образности отчасти сходны с теми, что мы отмечали в романе «Обращение в слух». Скажем, картину мироздания главный герой Рязанцева-Седогина представляет в виде камня, упавшего в воду, от которого идут круги: камень — это Святейший Патриарх, а остальные люди — священники, монахи, миряне — даже неверующие — находятся на том или ином круге: ближе или дальше. И даже мальчишка в наушниках, слушающий рэп и не знающий по сути ничего, кроме этого своего рэпа, тоже здесь, на каком-то своем круге, может, на самом дальнем, но все-таки и он — входит в единую систему, которую герой романа называет Царским церковным сознанием. Но в отличие от «Обращения в слух» эти рассуждения в романе «Становящийся смысл» не оторваны от сюжетной линии, а представляют собой записки героя к своему сыну: сквозь них проходит линия напряженной борьбы священника за сердце потерявшего веру ребенка. И очень характерно, что победа в этой борьбе одерживается не в философских разговорах, а дается отцу после тяжелой болезни — достигается практически ценой собственной жизни. И это тоже в духе лейтмотива книги.

Истории реальных людей в романе Рязанцева-Седогина органически сочетаются с напряженными мыслями героя о вере и о стране: и те, и другие пронизаны одной любовью, за теми и за другими стоит единый образ лирического героя — и те, и другие суть сама реальная жизнь в ее глубине, а не бездушный слепок с нее или абстрактное умничанье. Это тот случай, когда интеллектуальная составляющая произведения не оторвана от его сюжетной канвы, а напротив — слита в еди-

ное художественное высказывание, воздействующее и на разум, и на сердце читателя.

Итак, в рамках заданной темы мы можем всерьез говорить только о тех смыслах, которые органично входят в произведение, становятся как бы его неотъемлемой частью, укореняются во всей полноте духовно-нравственной проблематики. И только такое обретение смысла может оказать живительное воздействие на читателя, привести и его к пониманию (а возможно и обретению) данного смысла. Здесь, в частности, разгадка силы мыслительных прозрений русской литературы, и прежде всего, Достоевского и Толстого.

Вторую же часть своего выступления я хотел бы посвятить молодой литературе, то есть тем авторам, которые являются моими ровесниками и о которых я могу рассуждать с полной свободой, — мне было бы интересно, как ищут и обретают смыслы именно они. Для этого я попытаюсь рассмотреть произведения трех наиболее ярких, на мой взгляд, представителей молодого поколения — Андрея Антипина, Дмитрия Филиппова и Юрия Лунина.

Когда я читаю повесть Андрея Антипина «Дядька», я ясно вижу, как в ней история деревенского мужика Мишки, ведущего бесцельную, пьяную, неприкажную жизнь и так же бесцельно и нелепо умирающего, оборачивается историей о русском народе, раздавленном трагедией 90-х годов. Но для Антипина трагедия вовсе не в смене политического строя, а в потере ощущения высшего смысла и правды, ради которых раньше жил человек; а вот теперь, лишенный идеала и как способный удовлетвориться мещанской жизнью, гибнет весь русский народ, как гибнет главный герой повести Мишка. Это уже серьезно само по себе, но главное — в другом. Когда я читаю следующий рассказ Антипина «Смола», я понимаю, что передо мной опять-таки не просто история об очередном деревенском мужике по кличке Пузырек, а рассказ о внезапном обретении в этом человеке, на первый взгляд, вруне и рваче, готовности отдать последнее и распахнуть душу, казалось бы, совершенно постороннему человеку. И это качество ценно для Антипина как залог того, что народ, *«который поет и плачет, и скачет через палочку на краю, но умеет остановиться и опануть такой искренней и нерастраченной красотой, какую ты и не подозревал в нем»*, не погибнет и не закончится. То есть автор не просто двигается от текста к тексту, но пытается решить для себя серьезную творческую задачу — осмыслить трагедию народа и найти в глубине его нравственные силы для возвращения к жизни: в первом тексте показывает глубину трагедии, а во втором — пытается нащупать выход из нее. И этот поиск смысла в произведениях Андрея Антипина для меня, пожалуй, даже важнее густоты его народного языка.

Роман Дмитрия Филиппова «Я русский», достаточно рыхлый и неровный, буквально взывающий о превращении себя в повесть путем сокращения публицистических вставок и необязательных сцен, тем не менее, в полной мере подходит для разговора о поиске и обретении смысла. И опять-таки не сводится к истории о том, как любимая девушка главного героя была изнасилована кавказцем и как, заплатив последние деньги бандитам, тот добивается выдачи насильника, но в последний момент понимает, что не способен на убийство даже этого человека. Девушка Слава для Филиппова — идеал, олицетворяющий поруганную Родину. Но убийство для него не способ восстановить справедливость — так, мучительно пытаюсь найти ответ на тот же вопрос, что и Антипин, Филиппов приходит к ответу не политическому, а нравственному, к утверждению милосердия единственным оружием борьбы со злом, поглощающим его страну.

В отличие от двух предыдущих авторов, Юрий Лунин ищет смысл существования даже не страны и народа, но подвергает тщательнейшей проверке все, к чему обращается, — веру, любовь, семью — и ничто не удовлетворяет его само по себе,

пока он не убедится в его подлинности. В повести «Клетка» Лунин рассказывает о женатом мужчине, который после ссоры с женой едет на юг и изменяет ей с девушкой, встреченной в поезде. Лунин мастерски воспроизводит все мельчайшие переживания своего героя, чтобы в конечном счете привести его к полному одиночеству и практически экзистенциальной пустоте: *«Мы можем сейчас лечь в постель и заняться любовью. А можем не заниматься. А больше мы ничего не можем... нам было предоставлено море, время, дом с садом, целый город. А ничего особенного не вышло»*. А дальше мысли героя естественным образом переходят к жене, оставшейся где-то далеко: *«нам с женой тоже была предоставлена целая жизнь, с сотнями морей, городов, с сотнями вещей, которым можно было бы научиться. Так казалось. Но вышло, что и в целой жизни всего очень мало»*. И показательно, что к раскаянию героя «Клетки» приводит именно эта разверзшаяся перед ним пустота, а не нравственные императивы, которым Лунин не готов верить просто так, потому что они есть, но подвергнув своей жестокой проверке.

Вот так вот тяжело, преодолевая сопротивление современной жизни и современной литературы, молодые авторы ищут и обретают смысл существования себя и своего народа. И я верю, что путь этот плодотворен, и приведет их к новым серьезным достижениям.

Вячеслав ЛЮТЫЙ: Предлагаю послушать доклад Нины Александровны Ягодинцевой.

Нина ЯГОДИНЦЕВА, поэтесса, литературный критик, секретарь Союза писателей России, председатель жюри Южно-Уральской литературной премии, кандидат культурологии, член Совета по критике Союза писателей России:

— Тема нашего круглого стола — «Человек в поисках смысла в современной литературе» — не только необычайно актуальна, но и совершенно необъятна. Я хочу предложить культурологический ракурс вопроса, возможно, несколько отойдя при этом от конкретики авторов, произведений и героев. Культурологическое осмысление — это своеобразная модель, схема, но она дает магистральное видение проблемы и принципиальную четкость возможных практических решений.

Современное толкование понятия «смысл» необычайно широко: это и внутреннее содержание, и внеположенная сущность вещи, и конечная ценность, и идея. Смысл может быть всеобщим и индивидуальным, абстрактным и конкретным, высоким и низким. И от того, какое содержание мы вкладываем в понятие «смысл», зависит, где, как его искать и как понять, является ли искомым найденное.

Смысл человеку зачем-то необходим — и в каждом отдельном действии, и в жизни вообще. Утрата смысла тождественна утрате самого существования.

Если посмотреть на смысл как на связь отдельного человека с окружающими его вещами и с миром как целым, соединение «я» с «мы», многое увидится совершенно по-другому. Смысл — канал связи, по которому человек направляет свою жизненную энергию и получает ответ. Смысл — проводник, по которому течет ток нашей воли. Это корневая система, питающая тонкую травинку или могучее древо нашей жизни.

Обладая индивидуальным, выделенным из мира Природы самосознанием, человек обладает и свободой выбора: направить ли свою волю на со-бытие с породившим его и нуждающимся в нем Миром как целым (Универсумом), то есть соединить системой смыслов «я» с «мы», согласовать свое бытие со всеобщим, — или утвердить в качестве приоритета эго, единичную частную жизнь. И надо понимать, что как личность, так и народ, включенные в магистральный смысл всеобщего со-бытия, становятся со-причастны его вечности, а те, кто возвращает свою частность, довольно быстро выпадают в никуда.

Мы видим, что смысл является насущной и необходимой основой бытия, и с утратой его человек просто погибает, ибо его воля к жизни, не находя связей вовне, становится волей к смерти.

Литературу в этом контексте можно назвать системой смысловых маяков, расставляемых в наиболее проблемных или прямо опасных точках жизненного пути. Литература освещает пространство жизни, она создает, опробует в действии (сюжете) и утверждает смыслы, актуальные для данной эпохи, данной культуры, данного поколения. Проще говоря, литература работает как мощный долгосрочный регулятор, противостоящий энтропии бытия.

Понимая это, идеология советского мобилизационного периода (начало 1930-х — 1950-е годы прошлого века), может быть, впервые в истории использовала спасительный потенциал литературы для воспитания, консолидации общества и моделирования образа будущего в условиях элементарного выживания. И сегодня мы видим, как этот инструмент сработал: великая индустриализация, великая Победа, выход в Космос...

Потребность в новых смыслах возникла уже в 1960-е, при переходе от мобилизационного режима к более-менее спокойному, жажда эта постепенно нарастала, а ответа на нее не было. В том числе и в литературе. И в отсутствие общих позитивных смыслов возобладали негативные, сделавшие возможным и даже неизбежным быстрый распад государства. А с начала 1990-х это мощное оружие было развернуто против нас.

И сегодня мы наблюдаем в литературе и в жизни трагическую неравную битву: с одной стороны, происходит настойчивое обесмысливание, а с другой — поиск смысла, который пока трудно назвать активным. Проблема заключается в том, что разрушение смыслов идет осознанно, целенаправленно, стратегически просчитанно, а созидание — спонтанно и единично. То есть поединок заведомо неравный, а поражение в этой битве равно для нас смерти.

Случайно ли современная русская литература отлучена от государственной поддержки, ее общественный статус низведен до хобби, а профессия писателя отсутствует вообще? Нет, это закономерная часть процесса обесмысливания нашей жизни.

Случайно ли, несмотря на откровенное отторжение народом, в качестве замены подлинно национальной литературы раскручивается «обойма» имен и произведений, превращающих в абсурд и бессмыслицу нашу историю, литературное наследие, наше настоящее, наши нравственные культурные ценности? Нет, это инструмент обезволивания, обесточивания нашей жизни. И эта разрушительная деятельность, лишаящая смысла наше бытие, несет в себе свой собственный совершенно внятный смысл.

Случайно ли отвергается традиция и насаждается креативность? Нет, потому что традиция — это концентрация наиболее жизнеспособных и энергоемких смыслов.

Надо понимать, что сильные стороны нашей культуры при определенных условиях очень опасно уязвимы, надо чувствовать, какие смыслы нам жизненно необходимы, надо искать и формулировать их, нести читателям не только через книги, но и в каждодневном непосредственном общении. В смысловой битве драгоценен каждый человек, каждая личность, все, что объединяет нас, удерживает в бытии и питает нашу волю к жизни.

По каким стратегическим линиям, кроме литературы, направлены главные удары обесмысливания? Это, конечно, **русская история** — и более всего двадцатого века, которая из истории невероятного напряжения народных сил и практически невозможных, но, тем не менее, реальных побед превратилась в историю бессмысленного бунта, бессмысленного братоубийства Гражданской, бессмыслен-

ных репрессий, бессмысленной Победы («жили бы сейчас как на Западе...») — первые проблески смысла усматриваются разрушителями в идее индивидуализма и личного комфорта только в 1960-е. Но разве мы выжили благодаря этому?

Еще одно направление стратегического удара — **ценностные основания культуры, нравственность**, обеспечивающая долгосрочное существование и устойчивое развитие народа в конкретных исторических и географических условиях. Изменение отношения человека к человеку, человека к обществу, человека к природе, человека к высшей реальности — к Богу — везде происходит по принципу атомизации, отделения, отпадения от общего со-бытия.

Следующий момент — **перенаправление вектора поиска**: литература и гуманитарные науки направляют силы преимущественно на изучение низких смыслов и прямой бессмыслицы. Это зона сумерек сознания, тления и угасания воли, жизненных сил, самой жизни. Ну и, наконец, **активная подмена**: плохо без смысла? Попробуйте наш. Не понравилось? Ну как хотите, тогда ваше существование бессмысленно. Мы не виноваты — вы же сами выбрали...

Но почему мы пропускаем удар за ударом? Где ахиллесова пята нашей культуры, в какой момент наша сила превращается в роковую слабость?

Во-первых, русскому человеку в силу исторических и географических особенностей формирования национального характера свойствен **поиск коллективно-всеобщего смысла — для всех**. По этому проводу течет ток самого высокого напряжения, здесь можно реализовать максимум воли. На слабом токе наша система просто не работает, и вполне может перегореть, если в этом режиме будет выдерживаться достаточно долго.

Во-вторых, по тем же причинам **смысл должен быть максимально высоким** — иными словами, русский человек живет в присутствии Бога, другое для него бессмысленно. Я уже не говорю, что «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» вовсе не потому, что обманываться приятно, а потому, что мы — культура высокого напряжения. И литература — наша мастерская смысла.

Что происходит в этой мастерской? Какие линии смыслового противостояния мы видим сегодня? Я приведу только один срез: литературу для подростков. В ней, с одной стороны, не знающее границ буйство фэнтези, где герои ищут не смысл, а приключения. Но с другой стороны — мощные романы и повести взросления, где герои выходят на магистральные смыслы нашей национальной культуры.

Роман взросления «Ржа» Андрея Юрича из Кемерово рассказывает о мальчиках, живущих на Севере. Алеша и Пашка и их «племя индейцев» в трагических столкновениях со взрослым миром понимают, что не могут защитить никого, даже себя, их идеальный мир рассыпается, племя разбегается, Пашка становится предателем, но Алешка, пережив это предательство, — выстоит, один из всего племени, но выстоит. Автор дает нам это понять уже вне сюжета, над текстом. Трагический конфликт идеального детского мира и реального взрослого приводит юного читателя к выводу, что **свой идеал, свой инстинкт истины — абсолютная ценность. И нужно быть сильным, чтобы ее отстоять**.

Повесть взросления «Приключения Славки Щукина» красноярца Евгения Мамонтова читается на одном дыхании — она наполнена школьной повседневностью, где шаг за шагом учится и мужает обычный мальчик, вдруг увлеченный идеей создания вечного двигателя. И эта завораживающая иррациональная идея тоже несет базовый смысл русской культуры — **стремление к невозможному и обретение его; в конце концов, ведь возможное или невозможное — это не более чем наши собственные понятия, нас ограничивающие**.

И, наконец, пронзительный роман «Облачный полк» Эдуарда Веркина из Иванов, где герой — подросток на войне, в партизанском отряде, Саныч, Леня Голи-

ков. Снег, лес, землянки, детство, первая любовь, соперник, смерть, которая ходит так близко... Герой погибает, покрывая отход партизан. И здесь возникает третий магистральный смысл русской культуры: **жизнь за други своя, за народ, за родную землю**. Ибо нет бессмертия личного, а есть бессмертие рода и народа своего, и пока ради этого общего бессмертия отдают свою жизнь, мы все — вечны.

Русская мастерская смысла работает. Она постоянно воссоздает высокие смыслы, жизненно необходимые для культуры высокого напряжения. Утверждая их, донося до каждого читателя, собеседника, современника, — мы укрепляем защиту от обесмысливания, обесточивания, разрушения. Эту битву нам проиграть нельзя.

Вячеслав ЛЮТЫЙ: А сейчас я прошу высказывать свое мнение и задавать вопросы.

Марина КАПРУСОВА, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методики их преподавания Борисоглебского филиала ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет»:

— Человек в поисках смысла в современной российской литературе... Что сразу вспоминается? «Война и мир», поиски смысла жизни Андреем Болконским и Пьером Безуховым. Могут ли я сказать, что кто-то ищет смысл жизни так, как искали они, в нашей сегодняшней литературе? Я не нашла такого героя. А на Западе? Я читаю зарубежную литературу и читала современных западных философов. У них там все достаточно просто: человек должен стремиться выстроить свою жизнь так, чтобы было комфортно и духовно, и физически ему самому и его семье. Тут я опять оглядываюсь на российскую литературу и понимаю, что в подобном виде все-таки это у нас не работает. И даже если что-то похожее возникает в каком-то тексте, потом герой меняется. Ему этого не хватает, а русская рефлексия, в общем, тоже не годится.

Я начала перебирать книги, которые прочла в последнее время, и задала себе вопрос: а в чем их герои видят смысл жизни, смысл вообще? На прошлом круглом столе я упоминала книгу Сергея Минаева «Dухless. Повесть о настоящем человеке». Там вначале герой абсолютно беспутный, что подтверждает и аннотация: «Поколению 1970–1976 годов рождения, такому многообещающему и такому перспективному. Чей старт был столь ярким и чья жизнь была столь бездарно растрачена. Да упокоятся с миром наши мечты о счастливом будущем, где все должно было быть иначе...» Но в конце книги, когда мы на героя уже практически махнули рукой, вдруг он вспоминает цветик-семицветик и говорит: «Что было бы, если найти тот цветок, исполняющий желания? Что бы я попросил у него?.. Я попросил бы у цветка: «Обратно в детство». Да боюсь, услышал бы: «Сервис недоступен». То есть смысл, получается, он видит в этом возвращении в детство. А дальше герой смотрит с моста и думает, есть ли смысл в этом полете? Последнее чувство — чувство свободного полета, о котором многие из нас мечтают в жизни. Он думает: ведь самоубийцы, наверное, неспроста бросаются с моста? Вот здесь вторая вещь, которая меня зацепила: чувство свободного полета. Вот он, важный второй смысл. Детство и чувство свободного полета. Потом он ложится на мост, зажигает зажигалку, закрывает глаза и потом он сам уже не знает, что видит: то ли это зажигалка, то ли восходящее солнце. И там есть такая фраза: «В любом случае мне почему-то очень хочется верить, что этот огонь никогда не погаснет». Я уверена, что он бросится вниз, но вдруг за мгновение до смерти он находит смысл, который потерял в своей жизни. То есть получается, что смысл, на самом деле — то простое и вечное, что дается человеку с рождения — любовь. То есть любовь его к миру. Вспомним себя. Мы все в детстве любим каждую букашку, каждого паршивого котенка. Мы любим своих родных, мы любим своих друзей. Мы любим! Это

основное чувство. Все люблю. Мир нас любит. Ну, все умиляются на маленьких детей, даже посторонние люди. Видимо, вот это и есть смысл.

Второе. Свободный полет людей, который ведет к свету. Слово «Бог» не звучит в этой книге, оно там не может звучать. Но свет, которого ждет человек, который дается ему от рождения и к которому он потом после свободного полета придет, — на мой взгляд, это Бог. Получается, что наш герой в конце к этому приходит. То есть вот настоящий смысл.

И вот еще на что я обратила внимание. В последние годы появилось много книг, написанных священниками, монахами, матушками для взрослых, для детей. Там смысл один: если ты идешь к Богу, ты постигаешь себя, делаешь лучше. Прежде всего, я назвала бы книги архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» и Геннадия Николаевича Рязанцева «Становящийся смысл». Мне кажется, что они об этом. И тогда получается, что смысл — это вера, поиск Бога и поиск себя.

Третье: Захар Прилепин, «Грех». Герой смотрит на свою сестру, он в нее влюблен чисто платонически. Но играет с ее ребенком как будто отец будущий. Получается, что он еще не совсем мужчина, а отцовский инстинкт есть. Смысл тогда в чем? В первой любви и семейных ценностях.

«Соловьев и Ларионов» Евгения Водолазкина — более сложная, на мой взгляд, книга. Но здесь опять повторяется то, о чем я говорила: детство, память об умерших близких, приближение к постижению тайны смерти, первая любовь и понимание, что жизнь души и жизнь тела — пища разная. И опять завуалированно звучит тема Бога.

И последнее, на что хочу обратить внимание: Александр Зуев, «Месть майора Вишняка». Здесь смысл в том, чтобы отомстить за смерть товарищей и выполнить то, что тебе как бы продиктовал Господь. А Господь продиктовал защитить свою землю и защитить тех, кто слабее. И вот это тоже в современной литературе есть.

К чему я веду? Во-первых, в современной литературе есть возвращение к вечным ценностям. Какое-то время ничего подобного не было, а сейчас пожалуйста — детство, первая любовь, семья, гибель за други своя, Бог. По-моему, это замечательно. И второе, о чем я хотела сказать: как здорово, что мы прослушали три замечательных доклада, сама я кое-что посмотрела и поняла, насколько разнообразна наша литература. Вот ее разнообразие — как раз и есть победа нашей культуры. Если бы все писали одинаково, у всех был бы одинаковый вывод, это было бы ужасно. Хорошо, что одни — скептики, другие ищут вечные ценности. Пока мы что-то ищем и находим, и пока вот эти вечные ценности есть, мы живем.

Вячеслав ЛЮТЫЙ: Вы знаете, Марина Николаевна, я сейчас слушал вас со смешанным чувством. По целому ряду позиций я бы с вами не согласился. Но у вас были обозначены вехи, которые я принимаю полностью. И вывод, что наша литература сегодня очень разнообразна. Есть еще одно существенное обстоятельство. Мы представили свои доклады. Андрей Тимофеев — прозаик и критик, Нина Ягодинцева — поэтесса, культуролог и критик, я — критик, вы — филолог. Лицо своего рода корпорация литературной науки. Вы подступаете к предмету с отвлеченным инструментарием, мы же люди прикладные и в какую-то ситуацию или суждение входим и договариваем то, что там прямо не сказано. Тогда как вы берете то, что обозначено буквально. И вот здесь наши взгляды носят взаимодополняющий характер. Взыскание смысла с совершенно разных сторон выглядит сегодня как вещь абсолютно назревшая.

Александр ПОНОМАРЕВ, прозаик, драматург, член Союза писателей России и Межрегионального Союза писателей Украины, подполковник в отставке:

— Любой литератор, задумывая какое-то произведение, изначально уже заряжен на поиск смысла. И его герои ищут смысл. Кто-то ищет смысл познания, кто-

то — смысл жизни. Одни это делают осознанно, другие — неосознанно, третьи — вообще подсознательно. Для меня самый главный критерий — во имя созидания человек занимается литературным творчеством или во имя разрушения? У каждого из нас были такие случаи, что прочитаешь произведение — и такое ощущение, будто тебе в душу наплевали. А бывает, когда, наоборот, в душе ангелы поют, прочел книгу и вроде как радость почувствовал.

Андрей НОВИКОВ, поэт, прозаик, публицист, председатель Липецкого регионального отделения Союза писателей России:

— Поиск смысла — это все-таки нравственный вопрос. Еще Лев Толстой заметил, что крестьянин, когда он стоит перед бариним и отвечает, прежде всего, честет затылок. На самом деле, он знает ответ на главный вопрос, но делает вид, что не знает. Так и каждый автор: он же знает на самом деле все ответы, но в какой-то степени уводит от них читателя. Хотя когда садится писать, он ответ знает. Я думаю, что будет какой-то возврат к литературе XIX века. Потому что в 1930-е годы литература дала нам ответы на все вопросы, вполне определенные. Все же связано на самом деле в обществе. На мощный профессиональный толчок литературы был мощный экономический ответ и политический ответ. В определенном смысле, то же было и в Российской Империи. Поэтому как писатель я жду в ближайшие годы какого-то крупного события. Нас не устраивает тот период, который был при Ельцине, не все устраивает и сейчас. Мы чего-то ждем. Возможно, я бы хотел того посыла, который был в литературе именно в 30-е годы, поскольку этот период был очень плодотворен.

Андрей ТИМОФЕЕВ: У меня такое ощущение, что год назад мы шли по тому же кругу: Минаев, Лукьяненко и Прилепин. Не думаю, что стоит устраивать какие-то принципиальные дискуссии по этому поводу. Кажется, «Вопросы литературы» или какой-то другой нормальный журнал не так давно напечатал статью о Дарье Донцовой, автор — кто-то из «Журнального зала». Но это же не серьезно. Видимо, надо очертить круг собственно литературы, в отличие от круга «не совсем литературы», и говорить далее именно о литературе. Хотя дальше может возникнуть спор: что есть литература? Но это уже что-то вроде арифметики.

Марина КАПРУСОВА: На эту тему спорят уже лет десять. И давно уже придуман термин «массовая литература». Изучать массовую литературу вполне можно. Тынянов же изучал писателей третьего ряда, четвертого, пятого, шестого и говорил, что так нужно, потому что это называется контекстикум. Да, их надо разделить, но изучать необходимо.

Ольга СИДОРОВА, учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 12 города Борисоглебска:

— Как учитель литературы я для себя ставлю цель воспитания человека. Каждый год знакомство с новым классом я начинаю с того, что черчу на доске круг мелом и спрашиваю: «Как вы думаете, для чего эта геометрическая фигура вот сейчас, на уроке литературы?» И они начинают думать. Я рассказываю о том, какие ценности существуют в жизни, спрашиваю, к чему бы мы стремились? И они мне отвечают: к дружбе, любви, справедливости, милосердию. А с чем вам не хочется столкнуться в жизни, что вы не принимаете? Предательство, говорят они мне. И потом я подвожу итог: «Вот это вечный круг вечных проблем, вечных ценностей, которые решаются людьми на протяжении многих веков. И, поверьте мне, они останутся вечными». Поиск смысла, конечно, присутствует, и для каждого человека он разный. Да, мы даем оценку, спорим на семинарах, у каждого свое мнение. Свое мнение — это свой образ жизни, свои герои, свои стремления и кумиры. Но для учителей очень важно, чтобы человека мы воспитали на хорошей литературе.

Александр ПОНОМАРЕВ: Мне кажется, что литературные произведения должны пройти испытания годами. В классику попадают произведения, которые пе-

реживают десятилетия и столетия. А плохое все оседает. Но современный читатель должен прочитать плохое и хорошее, и потом сделать выбор.

Вячеслав ЛЮТЫЙ: Тогда он должен прочесть «Как закалялась сталь» про Павку Корчагина, и, например, «Дети Арбата», где советская страна изображена в виде какого-то сумасбродного государства, которое находится в лапах у кровавой элиты, как это принято говорить. И то, и другое считается уместным. Но когда человек читает взаимоисключающие произведения, он делает первый шаг к шизофрении.

Нина ЯГОДИНЦЕВА: Литература и культура всегда иерархичны. И наличие этой иерархии — это не печатать на произведении (вот это массовое произведение, вот это элитарная литература), это возможности подниматься по ступенькам смысла. Если не будет иерархии, не будет возможности подниматься. И потому перевод литературы в сеть — в плоскость, где все созданные произведения равны — это гибель и отсутствие всякой возможности развития. Наличие такой иерархии — вовсе не унижение авторов, находящихся где-то в поле массового чтения. Это первое.

Второе — по поводу критериев оценки. Произведения не равны в своей нравственной ценности. И она не измеряется количеством читателей.

Когда мы затевали Южно-Уральскую литературную премию, остро встал вопрос: а судьи кто? А как вы собираетесь оценивать? И мы разработали и озвучили систему критериев. Я хочу вам сейчас очень коротко ее представить. Первый уровень, на котором уходит с рабочего стола примерно 60 процентов произведений, — уровень лексической свободы, то есть самостоятельность языков, авторский язык. Человек, который выражает свои мысли своими словами. Над этим приходится очень много работать. Следующий критерий — умение строить сюжет. Заставляет ли автор своих героев делать такие поступки, которые, по его мнению, они должны делать, или сюжет развивается органично. Это видно. И это тоже критерий профессионализма. Здесь также отсеивается очень большая часть произведений. А на конкурс поступает от 150 до 220 работ. Это большое поле, на котором важно увидеть достойные вещи. И наконец, третий критерий — уровень сверхзадач. Масштаб художника определяется масштабом его поражений в борьбе с материалом, его победами. Только с третьего критерия начинается разговор о собственно литературе. Такая система оценок позволяет выстраивать и поддерживать иерархию. Вкус к хорошей литературе, критерии — эти вещи воспитываются еще со школы нашими педагогами, и эти вещи должны поддерживаться. Когда мы говорим, что все, что написано, имеет право быть, мы уничтожаем литературу.

Протоиерей Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН, прозаик, поэт, член Союза писателей России, настоятель храма Михаила Архангела в городе Липецке:

— Мы прослушали замечательные доклады. Особенно глубокие размышления были у Нины Александровны. В них основа культуры, основа искусства. И перед нами встают вопросы: куда нам дальше идти, есть ли вообще литературный процесс или его нет? У нас есть классические критические произведения, которые могут дать ориентиры очень мощные, беспелляционные абсолютно. Это, конечно, очерк Достоевского «Пушкин», где Федор Михайлович говорит о том, что Пушкин нашел смысл, нашел путь развития, нашел идеалы. Достоевский возвышает Россию, когда отмечает, что русская душа, русское искусство обладают всемирной отзывчивостью, всемирным пониманием. Некий молодой студент во время этой речи потерял сознание от восторга. Это был будущий владыка Антоний, глава Русской Православной церкви за границей. Понимаете, как люди воспринимали этот анализ? Нашли путь, нашли истину, нашли путь развития. Вот такие были исследования.

Сегодня наши критики говорили о том, что есть литература, которая полезна и нужна, которая созидает. Они правильно судят, а нам важно понять, куда идти. Какие сейчас найти смыслы? На что опереться? Есть ли народная правда или нет ее? Есть ли народная жизнь? Нравственна ли она? Она может быть для нас опорой или нет? Или будем писать, как Василий Макарович Шукшин — о чудиках и идиотах? Всем это нравилось. Это что — народная жизнь? Не знаю.

Я живу в деревне и вижу людей. Одна женщина все время говорила врачу, который приходил к ней: «Слушай, возьми триста рублей и заплати за Аньку, мою дочь. Она вот там не платит». Потом еще: «Вот на — заплати». А потом у этой Ани возник огромный долг — двадцать тысяч. К ней пришли и отрезали газ. Нужно было найти деньги, чтобы заплатить долг. А мама ее имела корову, молоко которой носила тем, кому совсем плохо живется. Она доила корову, чтобы найти деньги и заплатить долг своей дочери. Есть и вот такие люди.

Недавно прихожу к одной женщине венчать ее с мужем, а он лежит на кровати. Спрашиваю: «Виктор, давно ты болеешь?» «Да, наверное, батюшка, уже год». Она говорит: «Витя, ну, какой год? Девять лет, десятый год пошел». Он у нее чистенький, весь такой, знаете, — ни к чему не придраться. Она за ним потрясающе ухаживает. Я говорю: «Как же вы это все выдерживаете?» Она говорит: «Батюшка, за девять лет восемь смертей: сын погиб, брат погиб, племянник в Чечне застрелился, сестра от онкологии умерла...» И люди с этим живут. А мы о каких-то отвлеченных вещах говорим. Вот какая реальность жизни существует. Может ли это быть опорой для искусства, для литературы, чтобы на эту правду встать? Как они выживают? Как выживает русская деревня? Как народ сейчас выживает? Чем он живет?

Нам бы обратиться к священникам. Я думаю, и сейчас существует антологический корпус произведений, связанный с духовным содержанием литературы. Если вы возьмете, допустим, Антона Павловича Чехова, или кого-нибудь еще из литераторов XIX века, когда они пишут о церкви, о церковной жизни, о людях церкви, они нигде не ошибаются ни в одной черте. Это значит, что они были абсолютно воцерковленные люди. Обо всем этом можно написать, только если жить жизнью вот такой. А сейчас писатель порой насочиняет — столько наврет везде. Потому что нет погружения вообще в жизнь, и в духовную жизнь в том числе. Это такое плавное скольжение по поверхности. Как говорил Михаил Петрович Лобанов, наш замечательный преподаватель Литературного института, когда мы обсуждали на семинаре Пушкина: «Писал по одной главе Александр Сергеевич «Евгения Онегина» и говорил обществу: «Но не бегите, как овцы по соломе, вдумайтесь, что каждый год вам предлагают. Если вы прочтете это произведение, как я вижу, как я мыслю, то станете мужами, станете совершеннолетними». Вот как жила русская литература.

Виктория ГУЛЯЕВА, студентка 1-го курса Борисоглебского медицинского колледжа:

— Я послушала, что вы сказали, и пришла к выводу, что смысл жизни для всех разный, у всех наций он свой. Представьте, если у всех будет одинаковый смысл жизни, не станем ли мы роботами, у которых будет одна цель? Не станет ли мир серым, скучным?

Вячеслав ЛЮТЫЙ: Есть некоторые смыслы, про которые мы можем говорить мягко, не возвышая голоса. Например, каждый из нас является продолжателем своего рода, своей фамилии. Это у нас общее? Общее. Оно нас обезличивает? Со всем нет. У нас есть отношение к произведениям, на которых мы живем. Вот Ахматова говорит о родной земле: «Но ложимся в нее и становимся ею, // Оттого и зовем так свободно — своею». Потому что в этой земле лежит прах наших предков. Это тоже у нас общее. Нас это обезличивает? Нет. Нам надо защищать свою

землю и не предавать. Почему? Потому что после предательства наступает возмездие, которое оказывается следствием ряда событий, ход которых ты запускаешь сам — своим несправедливым поступком. Ты это понимаешь. Потому что нравственный закон в нашей душе в принципе у всех одинаков. Просто каждый относится к нему с той или иной степенью ответственности. Один — немножко спустя рукава, другой — более строго.

Все эти правила делают нас, во-первых, людьми, во-вторых — мыслящими, а в-третьих — нравственными. А быть нравственным, я полагаю, хорошо по той причине, что если такими же будут мой сосед слева и мой сосед справа, то общая жизнь окажется и удачливой, и добрее. И мы не будем при том похожи на одинаковых муравьев, хотя, наверное, и муравьи тоже не особенно одинаковые. Не надо бояться каких-то правил, которые могут отнять у нас собственное лицо. Наше лицо ни на кого не похоже. Не похожи отпечатки пальцев. Не похожи уши. Еще, Бог знает, сколько вещей непохожих. Просто надо прислушиваться к тому, что говорит тебе детство, что говорят твои предки, что говорят тебе духовные наставники — те люди, чьи книги и слова ты вдруг где-то как-то отыскал, и они тебя потрясли. Таким образом ты как бы себя составляешь и живешь все-таки своей жизнью. У тебя есть свои дети, свои родители. И даже если вдруг очень захочется стать таким, как все, и чтобы все стало, как один, это никоим образом невозможно ни духовно, ни физически осуществить. Все абсолютно разные в том или ином, отличий чуть больше или чуть меньше. Я думаю, когда мы говорим о нашей духовной и нравственной приверженности, не стоит бояться походить, скажем, на Александра Невского. Хотя это довольно трудная задача. Не стоит бояться опасности походить на батюшку Серафима Саровского. Хотя хотелось бы. Мне кажется, вопрос этот искусственный и опасность искусственная. И в наши уши такая боязнь вдута теми, кто говорит, что индивидуализм — главное, что тебя будет отличать от другого человека. Совсем нет. В рассказе Юрия Лунина, о котором говорил Андрей Тимофеев главный герой изменил жене с попутчицей, он хотел все сделать по-своему. И это желание все вдруг сделать как-то по-новому, по-особенному, его просто стерло: он потерял еще глеющую любовь к жене, смысл семейной жизни, смысл прожитых дней — он потерял некую целостность. Сегодня у кого-то уже звучала мысль — мол, надо относиться с некоторой любовностью к себе. Я думаю, что не надо себя любить. И не надо себя жалеть, потому что тебя пожалеет другой. Если он тебя пожалеет, будет хорошо, если он тебя не пожалеет, значит, заслужил. И тогда твой в чем-то самоотверженный путь тебе поможет. В нынешней России много мужиков, которые потеряли себя, потому что стали себя жалеть. Как говорится, Бог подаст: жалость ты получишь сверху и в той форме, на которую не рассчитываешь. Я думаю, что мы рождаемся строго индивидуальными и не похожими ни на кого другого.

У нас есть еще записка из зала. «Смысл и истина: отличия данных понятий. Может ли существовать одно без другого? Есть ли смысл без Бога?»

Начну с последнего. Советская страна у нас была атеистической, а Бог жил в русском народе во многом исподволь. Страна набирала индустриальный темп, и становилась могущественной. Был ли там смысл без Бога? Да, был. Но без Бога смысл имеет границы собственной жизни: он рождается в какой-то момент, проживает свой срок и потом уходит. Что мы, к сожалению, и увидели на примере Советского Союза. Уже на излете той эпохи была очевидна нехватка смысла существования и в каждом человеке, и у этого человека по отношению к советскому государству, многие вопросы оставались без ответа. Может ли существовать одно без другого? Да, может.

Может ли Бог существовать без нашего житейского обихода? Бог может все. Когда по-американски говорят: «Бог — он хороший парень!» или «Прости Господи, пойдем пива попьем...» — это все глупости. Есть хорошая книга Виктора Нюх-

тилина, называемая «Мелхиседек», — о многих кардинальных вещах, которые нас окружают. О Вселенной, о жизни, о времени, о пространстве, в конце концов, о Боге. И там звучит мысль, что те, которые по-свойски стараются похлопать по плечу эту совершенно непостижимую фигуру, вообще не понимают, с чем они имеют дело. Потому что все, что создано — любой атом, все есть результат творения некой непостижимой субстанции, которую мы понимаем под именем Бога. И в этом плане Бог, конечно, самодостаточен.

Когда мы отделяем смысл от истины, надо помнить, что истине присущи некие абсолютные признаки — вневременные, внепространственные и безотносительные по применению к тому или иному человеку. Смысл — вещь избирательная: к кому-то его можно применить, к кому-то — нет. И если ты чей-то смысл, условно говоря, не разделяешь, ну, и живи своим смыслом, своим правом, как было житейски сказано на Руси. А вот если ты не разделяешь некую истину, никому в голову не придет сказать: «Ну, и живи со своей истиной».

Когда мы спрашиваем: «Зачем все это? Зачем один богатый, другой — бедный? Зачем одного постигла смерть, а другой, в принципе, плохой, живет-поживает?» — это смыслы, которые нас окружают. Мы стараемся совладать с ними и найти хоть какой-то не корежащий душу ответ. А если у нас с этим что-то получится, может быть, мы станем вопрошать об истине. Хотя об истине вопрошать целым народом или целой аудиторией — несколько самонадеянно. Об истине принято вопрошать индивидуально. Потому и спрос с нас будет индивидуален. В силу того, что истина — это Божья прерогатива.

В советскую эпоху было принято читать. Давний главный редактор журнала «Подъём» прозаик Иван Евсеенко мне говорил: когда случайно встречаешь где-нибудь, допустим, командира дивизии, он находится в курсе последних новинок, потому что гарнизонная библиотека в Доме офицеров выписывает все толстые литературные журналы. В администрациях было принято читать. Городская интеллигенция следила за современной литературой, на селе много читали.

Сегодня мы столкнулись с проблемами чтения. И это связано не только с развитием информационных технологий, но и с внутренними проблемами литературы. Произведения, которые назывались сегодня, в большинстве своем элитарной литературой не являются. В нынешнем российском обществе элитарная литература — это тексты, в которых есть какой-то изъясн, какой-то душок и потакание низкому началу. Наверное, похожее качество в литературе было всегда. Плохо то, что агентства, которые занимаются распространением литературных произведений, средства массовой информации и все, что имеет отношение к продвижению книги, в том числе и, так называемый, «рынок рецензий», на котором активно действуют сами издательства, — все это прикреплено к книгам не лучшего качества. А книги, которые стараются говорить о правде человека на земле, о правде человека во времени и социуме, если и появляются, то, скорее, даже по какому-то недоразумению. Или по внутреннему, вполне легковесному, издательскому решению: вот у нас «по земле» книг не было, а давайте-ка мы эту тематическую линейку запустим и протолкнем на рынке — хочет народ съест что-то «земляное», пусть съест. Примерно так рассуждают издательства. А люди хотя бы не «есть» книгу, они хотя бы с книгой жить. Когда мы открываем «Войну и мир» или «Тихий Дон», для нас становятся счастливыми те дни, которые мы прожили с книгой. Ее можно читать месяц, два, три — и это общение с книгой драгоценно. Но «литература», которой сегодня оперирует рынок, такое состояние не предусматривает принципиально.

*Материал к печати подготовлен
Ольгой БИРЮКОВОЙ*